

ГОЛЫЙ АКТЕР НА ГОЛОЙ СЦЕНЕ

Для зрителя театр может казаться лишь игрой с костюмами и выученной ролью, но для актера это — всегда мир, наполненный трудностями, преодолениями, чудесами. Пройти этот путь, раскрыть свои способности — мечта многих людей. Такая возможность есть у воспитанников Школы им. А. М. Горчакова, благодаря существующей на протяжении многих лет театральной студии. О жизни этого школьного театра мы узнали у его руководителя — Тимофея Сергеевича ИЛЮШИНА.

Как давно вы работаете в школе?

— С 2002 года, но с переменным успехом. Как только окончил институт, отработал год в детском театре. Потом решил в школе по-пробовать. Сначала в другой школе работал, ездил в Коммунар, тоже ставил там детские спектакли.

А отсюда я раза три уходил и приходил снова. В какой-то момент просто перестает хотеться что-либо делать, и я ухожу в сферы, которые никак не связаны со школьной деятельностью: например, иду работать на склад. Проходит два-три года, и я сно-

ва сюда возвращаюсь, когда мозг готов что-то делать. Понятно, что я уже каким-то образом прирос к этому месту, всегда возвращаюсь.

Расскажите, пожалуйста, о вашей театральной студии?

— Название студии у нас простое — Театральная лаборатория. Программа выстроилась как в институте. Что-то оттуда беру, но многое додумываю сам. Прежде всего, мне самому должно быть интересно.

Сначала у нас был 15-минутный спектакль. Просто тренинговое упражнение: люди с мячиками, слова проговаривали, стихи читали. Следующей работой мы делали «Алису в Зазеркалье». Здесь уже коснулись немножко пластики. Они прыгали, бегали, на скакалках скакали. Дальше развивали речь. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». После этого мы занимались «Путешествием голубой стрелы», прорабатывали характеры. Каждый был какой-то игрушкой. Сейчас ребята уже хотят что-то серьезное, про людей. Я жалею, что для нового спектакля мы взяли «Снежную королеву». На мой взгляд, им не хватает времени, чтобы раскрыть характеры. По расписанию в театре два урока: в среду и воскресенье. Каждый урок длится по 1,5 часа. Этого времени, к сожалению, недостаточно для работы. У Шварца сложный текст, любая мизансцена может превратиться просто в болтовню. В процессе ребятам становится сложно, но зато они чему-то учатся. Есть и сложности с репертуаром. Они, конечно, хотят Шекспира. Но еще даже с животными не разобрались.

Сколько сейчас человек в студии?

— У нас всего 13 человек. Это ребята с 5 по 10 класс, две мамы и одна девочка десятиклассница.

А вы не приглашали в студию детей из других школ?

— Да как-то не задавался этим вопросом. Мне неважно, сколько у нас человек. Будет два — буду с двумя заниматься. Я никогда не делаю отбор в студию. Я не понимаю, как можно проверять, талантливый ребенок или нет. Да все они талантливы. Если их правильно направлять, они все прекрасно справляются. И мне очень важно, чтобы спектакль судили по тому, как выросли студийцы, а не как «Тимофей Сергеевич хорошо его поставил».

Что включают сами занятия помимо актерского мастерства?..

Танцы, пластику?

— Нет, мы просто начинаем делать упражнения, они постепенно во что-то перетекают. Обязательно есть привязка к спектаклю. Вот сейчас в спектакле у меня Герда слепая. Она не видит. И мы начинаем делать упражнения: «Вы ничего не видите, вы идете к какой-то цели. Должны пройти отсюда, у вас есть препятствия. Идете и останавливаетесь. Нужно как-то через это препятствие пройти». Герда — девочка, которая постоянно идет, идет... Все ее обманывают, как-то пользуются ею. Но она идет и доходит. Это спектакль о том, куда может зайти женщина, если чего-то захочет.

На репетиции

Открытый урок в театре

Этюды из жизни овощей и фруктов по сказке Дж. Родари «Приключения Чиполлино». После спектакля, июнь 2015 г.

А какое произведение вы мечтаете поставить?

— Вишневый сад. Но это — моя давняя мечта. Когда в прошлый раз была здесь театральная студия, мы ставили «Ричарда III». Тогда со мной в паре работал человек, который держал весь рабочий процесс. Год делали, получился двухактный спектакль, с костюмами, чего я практически не делаю. У нас в школе нет специального освещения для сцены. Возможно, потому, что я этим не умею заниматься. Есть две лампочки — и хорошо. Как говорил Станиславский, я — голый актер на голой сцене. Надели белые рубашки, брюки — и вперед, играть! Надо что-нибудь надеть — взял кепочку. И ты уже другой! И декораций я никогда не делаю. Работаем только со стульями. Чтобы не спрятаться: какой есть — такой и есть.

К спектаклю «Снежная королева» декораций тоже не будет?

— Нет. Зато у нас там будет свой оркестр. В течение всего спектакля дети играют на музыкальных инструментах, в школе они все занимаются, и повторяют определенную мелодию. А декораций нет. Зачем? Только стулья. Чем проще, тем лучше.

Был ли в практике такой случай, когда у ребенка после занятий в студии раскрылся особый талант?

— Да, был, конечно.

И вы посоветовали ему поступить в театральную Академию?

— Никому никогда не советовал поступать в театральный. Был мальчик, который захотел поступить. Я ему объяснил, что такая учеба

в театральном институте: всегда не понятно, какая у тебя будет перспектива. Потому что театров ограниченное количество, а каждый год выпускается очень много актеров, которые есть хотят. Еще был один случай, когда мы готовили «Ричарда III» — никогда не забуду. Главную роль играл семиклассник. После первой репетиции он подошел и сказал: «Я не понимаю». На что я ему сказал: «Ты просто делай, и не думай». В конце концов, у него получилась хорошая работа. Супругу Ричарда играла одна мама. Она отметила, как он изменился за год, стал действительно взрослым человеком.

Сложилась ли у вас за годы работы какая-то особая методика работы с детьми?

— Да нет. Если человек честно работает, то все получается. Не люблю, когда делают что-нибудь в полноги. И я ведь прихожу в студию не как режиссер. Я им говорю, что сам не знаю, что делать. Давайте вместе решать! Сейчас читаю книгу Петера Брука, а он говорит, что спектакль — это ребенок. Его нужно выносить и родить, может быть в муках. Но этого ребенка мы должны любить. А бывает, что ребенок отпрашивается: в магазин или зоопарк. Я отпушу, конечно, но это неприятно. Так нельзя, ведь тогда ничего не получится. За дело нужно переживать. Сами дети ко всему относятся проще: сыграли роли — пошли в футбол играть. Они относятся к этому легко. У них же учеба главное. Слова за ночь до спектакля учат.

Вы когда-нибудь преподавали взрослым?

— В целом, нет

А хотели бы?

— Не знаю. Наверное, было бы попроще. С одной стороны, они более закры-

Театр — это место необычного взаимодействия с детьми, мы с ними находимся наравне. Для нас это и еще время, проведенное с нашими детьми. Здесь складываются другие отношения. Ты всегда подстраиваешься: какую роль дали, ту и играешь. Сказали стулья на голове носить — взял и понес. Тимофей Сергеевич очень внимателен к детям, распределяет роли так, чтобы это было равноценно для всех. Он делает не классические постановки. У него всегда свое видение. В процессе репетиций иногда сами не понимаем, что происходит, но конечный продукт всегда очень интересен. У всех, кто приходит на спектакль, складывается неоднозначное отношение: кому-то нравится, кому-то не очень, но равнодушным не остается никто.

Лина Кашкарова,
взрослая участница студии

Мне нравится, что Тимофей Сергеевич дает свободу самому сделать какую-нибудь сцену, не ограничивает, а наоборот, разрушает рамки.

Никита Семёнов, 10 класс

Тимофей Сергеевич на репетиции

тые, но с другой уже мыслят по-другому. Но сказать не могу, хотел бы или нет...

В своей работе с детьми вы ставите цель раскрыть индивидуальные качества ребенка или, к примеру, сплотить коллектив?

— Никогда не задавал себе эти вопросы. Я к педагогике мало отношусь. У нас в Лаборатории есть задача — поставить спектакль. Работа с коллективом — скорее, в классе. Есть обязательные уроки театра с 5 по 7 класс. В 5 классе начинаем с того, что они повторяют за мной слова и движения. Дрессирую их. Потом начинаем работать с предметами, мячики перекидывать. И вот к 7 классу пришли к тому, что к поездке в Англию они уже сами поставили балладу. Я их только корректировал, они все предлагали сами. Думаю,

в следующем году театр будет под проект. То есть они едут в Англию — делаем балладу. В 6 классе их возили в Грецию — они делали маски, выступали в настоящем античном театре. Когда поедут в Италию, нужно будет какую-нибудь комедию дель арте сделать. В 5 классе им занятия не нравятся, они не понимают, зачем это. А потом вырастают, говорят: мы поняли. А ведь чего от них только не услышишь!

Мы ставили «Алису». Получился очень странный спектакль. Кому-то понравился, может людям творческим, а кому-то и нет. И один из мальчиков после спектакля сказал: «Мне не понравилось то, что мы делали. Я больше не приду».

Вы не расстраиваетесь, когда такое слышите?

— Нет. Наоборот! Я всегда приглашаю этого ученика. Хочу услышать

критику. Когда хорошо, оно и так видно. Я всегда спрашиваю у зрителей и учеников их мнение, что было не так.

В конце года вы подводите итог занятий?

— Конечно, в конце полугодия у нас есть открытый урок. Что запомнили, то и показываем.

Вы актер по образованию. Сами не скучаете по сцене?

— Сейчас уже нет. Раньше я периодически делал моноспектакли, праздники вел. Сейчас обленился. Нет потребности. Как таковой тоски по сцене нет. То, что я не режиссер, даже хорошо для студентов. Я понимаю, как нужно говорить, что советовать. Наверняка делаю ошибки, и на спектакли ни мастеров, ни сокурников не приглашаю.

Когда создаёшь спектакль, то в голову приходят разные мысли. Как сделать ту или иную мизансцену. Эта мысль не сама собой приходит. Ее кто-то туда вкладывает, кто-то сверху. Я убеждён в этом. Это же не спорт. Хотя в чем-то сходство есть. В актерской профессии тоже должна быть постоянная нагрузка. Но театр — это больше. Одних способностей мало — и одним трудом тоже не добиться.

Для вас главное — цель или сам процесс?

— Изначально была цель — поставить спектакль. А когда мы начали заниматься «Снежной королевой», для меня всплыл творческий процесс. То, что мы, скорее всего, не покажем спектакль целиком, а лишь некоторые сцены, может быть, более ценно. Поэтому что ког-

да ставим весь спектакль, видна работа режиссера. А здесь я хочу, чтобы на них смотрели. Чтобы они были молодцы. С каждым спектаклем мы идем на новый уровень. Хотите заниматься Шекспиром — надо что-то делать, а Чехов — уж тем более. Все спрашивают, почему я сказки делаю? Там более яркие образы. Мне они самому интересны. Должен сказать, что я не просто так дал название «Лаборатория». Потому что здесь мы ставим какие-то эксперименты. Пока готовим спектакли, очень часто вижу, как дети между собой говорят: «Ну, совсем с ума сошел!» Часто говорю актёрам, как говорил Мейерхольд: «Вы делайте — потом поймёте». В любом случае

необычный процесс происходит. Раз люди ходят, значит, нравится. Один студиец как-то сказал: «Я понимаю, что это полный бред, чем вы с нами занимаетесь. Но мне это нравится!»

А вы их спрашивали, чего бы они сами хотели?

— Пока хотеть рано. Когда дорастут, тогда спрошу. Пока я режиссер, решаю все сам. Даже не задаюсь вопросом, правильно я делаю или нет. И никого не слушаю. Поэтому что когда слушаешь людей, ничего не получается. И не нужно бояться — нужно просто делать. Когда кто-то разбирается в театре, даже занимался, но при этом говорит «швыряние палочек»... Это не

швыряние палочек, а взаимодействие с партнером. Если человек не понимает, что это такое, то на более сложные темы, связанные с театром, с этим человеком говорить бесполезно. Он элементарных вещей не понимает. Когда я учился на архитектора, мне говорили: «О чём с тобой говорить, если ты прямую линию не можешь провести? Какой ты архитектор?» И здесь то же самое. Не могу сказать, что я много чего про театр понимаю. Но как-то ставлю спектакли, кто-то мысли в голову вкладывает.

Беседовала
Наталья ЛАЗАРЕНКОВА
фото автора и из архива
Школы им. А. М. Горчакова

«Греция» — образовательное путешествие

